

Кувальтура — 2002 — 12-18 сент. — с. 9

Отверстие в глухой стене

Немногим больше года минуло с того дня, когда разнеслась по стране весть о болезни Натальи Гундаревой. Для кого-то это было настоящей бедой, для иных средств массовой информации — поводом повысить тираж своего издания. Жутко вспомнить кричащие с газетных развалов заголовки, крупные планы фотографий, обвал звонков в Театр Вл. Маяковского и в Союз театральных деятелей с требованием прокомментировать случившееся... Как страшно быть звездой!

Мне снова пришлось подумать об этом, когда я приехала в подмосковный санаторий "Валуево" и, сидя на скамейке в ожидании Натальи Георгиевны, увидела молодых мужчину и женщину, явно кого-то разыскивающих. На плече у мужчины висела сумка со съемочной аппаратурой, женщина говорила по мобильному телефону: "Не представляю себе, где она, не можем пока найти..." Я напряглась, но внезапно подозрительная пара бросилась к какой-то женщине с приветствиями и поцелуями. Тем временем в дверях появилась Наталья.

Смотрю на нее и не устаю поражаться. Страшная болезнь долго и упорно пыталась придавить Гундареву, но не удалось. Не тот характер. Мы возвращаемся к корпусу, садимся в ее комнате пить чай и все никак не можем сосредоточиться на интервью, а оттягиваем время, болтая обо всем на свете.

— И все-таки давай начнем. О чем тебе самой хотелось бы поговорить?

— Хочешь, скажу совершенно честно? Я больше всего на свете хочу, чтобы меня оставили в покое. И еще очень хочу жить так, как жила раньше. Моя профессия публичная, я это давно уже поняла и приняла многие условия и необходимости публичного существования. Порой меня раздражает, когда ко мне без конца подходят люди, но это моя жизнь. Наверное, когда ко мне перестанут подходить, я буду самым несчастным человеком на свете, поэтому пусть будет так.

— В первый раз, когда я приезжала сюда, погода была замечательная, по парку гуляло много людей, и почти каждый из них улыбался тебе, говорил какие-то слова. И сегодня, помнишь человека, который шел нам навстречу, говоря по мобильному телефону? Не отры-

Н. Гундарева

ваясь от трубки, он раза три пожелал тебе здоровья. Это ведь тоже — часть звездной жизни. Люди любят тебя искренне и ждут твоего возвращения.

— Я понимаю все, но, честно говоря, пока не могу ничего связывать с театром. Наверное, для того чтобы работать в театре так, как я всегда работала, надо, чтобы прошло очень много времени. Так, как я играла, я уже не смогу играть. Никогда не понимала своих коллег, которые выходят на сцену, чтобы произнести текст. Я всегда думала: что же их тогда интересует в процессе? Зато всегда точно знала, что меня интересует — если спектакль не уносит часть моей жизни, он никакого смысла для меня не имеет. Скучно становится, ну ужасно скучно! Я играла всегда на пределе возможного, и, когда заканчивался спектакль, мне иногда казалось, что я умру сейчас. Такое было жуткое состояние. Так я уже не смогу, а играть хуже я просто не имею права. И в этом смысле я очень рада тому, что после нас не остается ничего веще-

ственного, остаются легенды — так и должно быть: люди, которые видели спектакль, рассказывают о нем тем, кто не видел, добавляют что-то свое, этот рассказ из уст в уста обрастает фантазиями, и начинает жить легенда.

— Не сможешь играть так — сможешь играть по-другому...

— Нет, по-другому мне не надо. Ну ничего со мной не поделаешь, всю жизнь была максималисткой. Характер такой. Если не лучше и не быстрее всех, то никакого смысла нет.

— Ты и выздоравливать хочешь так же: быстрее и лучше всех.

— Естественно. Я хочу как можно быстрее стать живее всех живых, как Ленин. Но пока не получается, и с трудом приходится заставлять себя терпеть и ждать. Хотя без дела не сижу, кроме всех процедур, которые приходится проходить, пытаюсь и творчеством заниматься. Не слышном громко это звучит?

— Нет-нет, это более чем логично звучит.

— Так вот, на днях была годовщина

смерти Андрея Александровича Гончарова, и наш театр задумал издать сборник в память о нем. Обратились и ко мне с просьбой написать свои воспоминания о режиссере, с которым я много работала. Вот я и стала потихоньку составлять текст, сразу решительно отказавшись от формы воспоминаний, мне это претит, я не была на его похоронах, и для меня он остался живым. Когда мои записи обрели какую-то форму, муж отнес рукопись в театр, и оказалось, что я первая "выполнила задание". Вот это в моем характере! Не берусь судить, как это сделано, может быть, хуже, чем будет у всех остальных, но я поставила себе минимальные сроки и, не обладая особым даром рассказчика, а уж тем более писателя, как-то сформулировала свои мысли по поводу Андрея Александровича. Мне так лучше — поставить перед собой определенный срок и конкретную задачу, я начинаю чувствовать себя увереннее.

— Я помню, несколько лет назад ты говорила, что стену, может

быть, и не разобьешь, но один кирпич выбьешь точно. Вот и сейчас ты занимаешься этим же привычным для тебя делом — выбиваешь головой кирпичи.

— Голова-то одна, а кирпичей много.

— Но они же вываливаются!

— Редко. Я пока вижу перед собой глухую стену и не ощущаю в ней отверстий.

— Тем не менее за этой глухой стеной ты сидишь и читаешь "Братьев Карамазовых".

— Нужно же занять себя чем-то. Я решила перечитать роман, когда услышала, что Сергей Николаевич Арцибашев задумывается над постановкой Достоевского. По слухам, на роль Дмитрия прочат моего мужа, Михаила Филиппова. Я начала перечитывать роман и напала на какой-то интересный кусок, прочитала ему этот большой абзац. Нашла еще что-то, еще... В общем, стала собирать досье на Митю Карамазова. А потом Миша меня очень подбодрил — ведь у Достоевского важна каждая деталь, несмотря на те жесткие рамки, в которые он вгоняет образ, и я ухватилась за то, мимо чего многие проходят: Дмитрий совсем не такой упрямый, не такой уверенный, не такой гуляй-город, как принято его видеть. Он стесняется ногтя на большом пальце — почему-то для меня это открыло в его характере очень многое: да, неистовый, да, упрямый, но и еще что-то очень важное. Миша посоветовал мне подробно пройтись по каждому из братьев. Я очень занята этой работой — жалко мараить книжку, поэтому я все переписываю. Хочется составить биографию каждого брата.

— Вот видишь, какое замечательное поле деятельности обнаружилось: всю жизнь ты должна была бежать, жить в сумасшедшем ритме, на такую исследовательскую работу времени не хватало никогда, хотя приходилось много иметь дел с прозой, с инсценировками. Скажи, ты оцениваешь сейчас прелесть нового для тебя, плотного общения с книгой?

— Скажу честно, конечно, я никакой не исследователь, меня не может это увлечь, но я свято покланялась себе, что сделаю это, как бы мне ни хотелось спать или заняться чем-то другим. Конечно, меня это не может захватить полностью, не по

моему это темпераменту, не по моей жизни, но я чувствую свою причастность. И — надеюсь, что "не пропадет наш скорбный труд".

— Наверное, не очень уместно об этом сейчас говорить, но ты хотела бы сыграть в этом спектакле или удовлетворяться только исследовательским процессом, помогая мужу?

— Смотря кого. Хотя... мне кажется, Хохлакова по мне просто плачет. Причем первый раз я читала, ничего не прикидывая не себя, — такое чтение очень улучшает восприятие, освещает его, когда в одном конце коридора ты, а в другом — персонаж, о котором ты пока еще и не думаешь. И тут я поняла, что у Достоевского персонажи проходят через многие его произведения. Вот стоит скелет, и ты начинаешь наращивать мышечную ткань, потом присоединяешь к себе, кровь твоя начинает пульсировать, и все начинает жить, плакать, смеяться, дышать. И, еще не думая о себе, я решила: той, кто будет играть Хохлакову, нужно непременно в первую очередь прочитать "Дядюшкин сон", потому что в Марье Александровне Москалевой столько есть черт Хохлаковой! И Мозгляков с Ракитиным иногда просто один к одному. И Алеша. Ведь что такое человек, который не может совместить себя с действительностью? Старый князь в каком-то смысле.

— В общем, ты времени не теряешь, работаешь, насколько это возможно, но до выхода на сцену еще далеко. Надо набраться терпения.

— С терпением иногда бывают проблемы, все-таки очень резко моя жизнь разломилась этой болезнью, многое для меня непривычно, многое раздражает. А больше всего раздражают газеты. Самое для меня удивительное, что какие-то газеты все время жалуются на то, что ни я, ни мой муж не желаем с ними разговаривать. Это неправда, мне не звонили ни разу, они постоянно что-то выдумывают, пытаются раздуть склоку — и "Комсомолка", которая все время рвется в бой, и одиозная, просто ненавидимая мною газета "Жизнь". Я никогда до болезни не знала о существовании такого издания, и, когда думаю о редакции этой газеты, хотя я никого в ней не знаю, в моем воображении возникает "Капричоз" Гойи. Я не хочу выдвигать никакие счеты, потому что это означало бы встать с ни-

ми на одну ступень... Ну а что делать? Обматерить? Убить?

— За время твоей болезни моего мужа довели до предела разными "жареными" публикациями. Филиппов — удивительный человек, я, пожалуй, и не встречала в жизни более интеллигентного и выдержанного мужчины. Так что давай вернемся к более привычному и приятному для нас разговору о театре.

— Мне сложно сейчас о чем-то определенном говорить, хотя какая-то газетка уже поторопилась объявить, что я выхожу на сцену 8 сентября. Я не поленилась позвонить в театр, чтобы узнать, что у нас в репертуаре на этот вечер, и узнала: идет спектакль "Нора", в котором я никогда не играла. Я рада приходу в наш театр Сергея Арцибашева, рада, что театр живет, что он открывается премьерой "Женитьбы", где играет Миша, что близится к концу работа Леонида Хейфеца, который ставит пьесу А. Эйкборна "Синтезатор любви", что в филиале идут репетиции. Я всю жизнь в одном театре, и естественно, что жизнь эта у нас общая. До выписки моей еще далеко, а может быть, и нет, будет так, как скажут врачи, которым я абсолютно доверилась. Я благодарна всем, с кем встретила в больницах, потому что на моем пути потрясающие профессионалы: и в Институте Бурденко, и в Институте Склифосовского. Спасибо говорить еще рано. Я всем заявила: "Знаете, когда я скажу вам всем спасибо? — вот если я выйду на сцену, считайте, что это и есть моя благодарность: безмерная, огромная, всем сразу".

♦
Я уезжаю из санатория уже в сумерки. Сейчас она опять возьмет в руки Достоевского и продолжит чтение. А невидимые только ее глазу кирпичи будут вылетать один за другим из глухой стены. И когда Гундарева сама увидит открывшееся перед ней отверстие, она шагнет через него на сцену своего театра.

Беседу вела
Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Фото Михаила ГУТЕРМАНА